

Эти улицы такие узкие...! подумал Идзуку, пытаясь рассмотреть как можно больше Гринвич-Виллидж, насколько позволяла толпа. Он не был плотно упакован в толпе, как сардины, но бороться с этим потоком было невозможно. Толпы возбужденно болтающих людей, казалось, стремились к одной цели: Вашингтон-сквер-парк. Широко открытый и очень популярный, Идзуку должен был догадаться, что большинство людей будут стекаться туда, где, скорее всего, находилось ближайшее скопление торговцев.

Тем не менее, Идзуку не мог отрицать очарования этого района, когда толпа проносилась мимо него. Кирпичные многоэтажные дома, многочисленные ряды домов, которые казались удивительно ухоженными, учитывая возраст и историю Деревни, и жилые дома, усеивающие окрестности, - все это создавало теплый, но прочный портрет общины, которая бросила вызов трудностям и выдержала испытание временем, отказавшись падать.

Рост Богемии, антивоенные движения, Стоунволлские бунты, темные века причуд - деревня видела все. Идзуку не мог упрекнуть инсайдера в том, что мир, казалось, вращается вокруг Гринвича, учитывая все исторические события, происходившие здесь на протяжении веков. Неудивительно, что собственный Санктум Санкторум Доктора Стрэнджа располагался в таком районе.

Боже, подумал Идзуку, слегка дрожа, несмотря на потустороннее тепло плаща. Чем больше я думаю об этом месте, тем больше мне кажется, что я почти не принадлежу себе.

Идзуку Мидория был беспокойным человеком. Это была слабость, в которой он мог признаться самому себе, что его чрезмерная аналитическая натура в отношении таких вещей, как причуды и профессиональные герои, непроизвольно переносилась на другие сферы его жизни, такие как его тревоги и страхи. Это было почти парализующе, как легко он мог потеряться в море мыслей и возможностей время от времени.

У тебя сердце героя, Идзуку, - слова Стрэнджа эхом отдавались в его голове. Он посмотрел вниз и прижал ладонь к груди. И Стрэндж, и Всемогущий, казалось, были убеждены в его потенциале и непоколебимо верили в светлое будущее колдуна и героя, но достаточно ли будет сердца героя? Хватит ли этого, чтобы развеять сомнения, которые внушил ему Икидзи? Или его путь был предрешен, а параллели с колдуном-изгоем обрекали его на фанатизм?

Ему была ненавистна мысль о том, что его совратят на злодейский путь и он встанет вместе с Икидзи против Стрэнджа, Вонга и других колдунов. Перед глазами вставали образы его лица, искаженного в ухмылке, глаз с трещинами и лба, оскверненного багровым символом Дормамму. Но больше всего он ненавидел то, как часто он вообще застревал на этих мыслях...!

"Уф! Моя спина...!"

Идзуку, заблудившись в лабиринте мрачных мыслей, невольно налетел на пожилого прохожего, повалив его на землю.

"О боже!" Идзуку в панике вынырнул из своих мыслей и поспешил помочь пожилому человеку

с черепашей шей подняться с задних ног, чтобы не оказаться жертвой непрекращающейся толпы ликующих граждан. "Мне так жаль, сэр! Позвольте мне помочь..."

Идзуку замер, поднимая пожилого джентльмена на ноги. Непрекращающийся поток людей практически растаял, когда Идзуку сосредоточился на морщинистом лице мужчины, седых, зачесанных назад волосах и тенях. Одна за другой все детали встали на свои места, и рука, которой Идзуку помог мужчине встать на ноги, начала дрожать.

"Ты-ты-ты-ты!" Идзуку заикался от едва сдерживаемого волнения. "Вы - легендарный отставной генералиссимус про-героев! Герой комиксов: Стэн Ли!"

Стэн Ли одной рукой обхватил Идзуку, когда ему помогли подняться, а другой рукой потирал болезненное место на пояснице, куда он приземлился. Он перестал потирать и несколько мгновений смотрел на Идзуку удивленным взглядом, оба искренне не замечая толпящихся вокруг них людей.

"Ну и ну, я удивлен, что ты меня узнал!" наконец сказал Стэн Ли, демонстрируя свою фирменную ухмылку, которую невозможно не любить, как ни старайся. "Я даже надел свои очки!"

"Как я мог не узнать того, кого называют дедушкой всех современных героев-профи!?" воскликнул Идзуку, хотя тон его голоса казался едва слышным среди постоянно движущейся толпы.

"Что это?" спросил Стэн, приложив руку к уху. "Я едва слышу тебя, Истинно Верующий! Давайте уйдем с дороги этих людей!"

Пробираясь через море тел и лиц, Идзуку и отставной профессионал добрались до ближайших бетонных ступеней, где им не грозила опасность быть сметенными или помешать проходящим людям.

"Я бы подумал, что в твоём возрасте такие герои, как Всемогущий, больше нравятся!" сказал Стэн, осторожно присаживаясь на ступеньки. "Это просто показывает, что человек моего возраста никогда не должен недооценивать новое поколение!"

"Я большой фанат!" Идзуку внезапно проболтался, прежде чем оскалиться и смущенно улыбнуться.

"Я могу сказать!" Стэн усмехнулся. "Мне греет сердце, что хоть кто-то из вашего поколения не совсем забыл мое". Он закончил со вздохом.

"Мне очень жаль, что я не обратил внимания раньше и сбил тебя с ног!" Идзуку почтительно склонил голову в знак прощения.

"О, не корите себя слишком сильно за простой казус, молодой человек", - ободряюще сказал Стэн. "Несколько минут отдыха вернут меня в форму! А пока мы тут сидим, может быть, я смогу помочь вам?"

"А?" Изуку моргнул.

"Я хорошо рассмотрел твое лицо, прежде чем ты столкнулся со мной", - сказал Стэн с пронизательным взглядом. "У вас, молодой человек, лицо человека, глубоко обеспокоенного чем-то. Я могу вам чем-нибудь помочь?"

"О-о, вам не стоит беспокоиться об этом генералиссимусе..." сказал Идзуку, заметно сдвинувшись, когда его заботы снова вышли на передний план.

"В отставке или нет, настоящий Герой никогда не стесняется вмешиваться везде и всегда, где только можно!" Стэн гордо поднял голову.

Идзуку сидел рядом со Стэном и в задумчивости опустил голову. Генералиссимус Про Героев в отставке сам предлагал свою помощь, чем мог. Он не мог отказать в совете уважаемому ветерану, не так ли? Хотя он также не мог пролить свет на свой репертуар магических навыков, согласно инструкциям Стрэнджа. Но, может быть... может быть, этот человек все же мог бы предложить какую-то информацию, если бы Изуку оставался достаточно двусмысленным.

"Ну... я тренируюсь на Курсе Героев U.A. уже большую часть года", - начал Изуку. "И в последнее время у меня были проблемы на занятиях с учителем. Вернее, у меня были тревожные мысли. Не так давно я встретил человека, обладающего силой, схожей с моей, но гораздо большей, чем моя собственная, и он был... ну, злым. Искривленным. Испорченным".

"С тех пор как я встретил его, мне стало труднее сосредоточиться и по-настоящему выкладываться на тренировках", - продолжал Изуку. "Я колебался, сдерживался, потому что начал бояться, что стану таким же, как он, если продолжу расти в том же темпе, что и раньше. Мой сенсей сказал мне, что мне нечего бояться, потому что у меня "сердце героя", но... я беспокоился, действительно ли этого достаточно. Смогу ли я остаться героем, если буду продолжать в том же духе? Или вероятность того, что я погибну, будет только увеличиваться по мере роста моей силы?"

Между Идзуку и Стэном повисла напряженная тишина, так как вопрос юноши повис в воздухе. Стэн смотрел на юношу сосредоточенным взглядом, вероятно, обдумывая и составляя ответ, прежде чем продолжить разговор. Наконец, спустя несколько минут, как ему показалось, он заговорил.

"Знаешь, - начал Стэн со вздохом. "В моей жизни было время, когда я был... не в восторге от своей причуды. На самом деле, в юности я был откровенно смущен ею".

Это, конечно, застало Идзуку врасплох. Он повернул голову в сторону Стэна, потрясенный таким признанием. Генералиссимус? Стыдится своей собственной причуды!?

"Стыдился!?" воскликнул Идзуку. "Но ведь твоя Квирка...!"

Стэн уже вытащил из кармана клочок бумаги, а из другого - ручку. На вырванном клочке он написал слово "свет" и щелкнул пальцами. Идзуку с благоговением наблюдал за тем, что раньше видел только на старых видео: слово буквально оторвалось от страницы и начало сиять, а через несколько мгновений, казалось, погасло, буквы померкли вместе с испускаемым им светом.

"Моя причуда: письменная реальность", - сказал Стэн с мягкой улыбкой. "Способность превращать написанные слова в реальный объект или вещь".

Идзуку нахмурился в замешательстве, нахмутив брови. "Но у тебя такая уникальная причуда! Почему ты стесняешься ее использовать?"

"Раньше я стеснялся, потому что у меня была только писательская причуда и подработка, когда я не работал профессионалом", - объяснил Стэн. "У некоторых моих сверстников были яркие, мускулистые Причуды, а другие своими способностями внедряли инновации в медицину или другие области науки. В сравнении с ними я чувствовал себя неполноценным. Но потом я начал понимать: развлечения - одна из самых важных вещей в жизни людей. Без него люди могут сойти с ума! И тогда я решил, что даже если у меня не будет самой яркой причуды как у профессионального героя, я все равно смогу не только развлекать людей, но и спасти их. Я чувствовал, что даже если развлечение - это единственное, что я могу сделать в тот момент... что я все равно делаю доброе дело".

"Я думаю, что в каждом из нас есть врожденное стремление к сверхспособностям", - продолжает Стэн. "Вернее, желание сделать больше, чем мы уже можем, к лучшему или худшему. Я думаю, это почти уместно, что Причуды стали так распространены: они позволяют людям подняться и достичь этих мечтаний. Но не все получают то, что они воспринимают как полезную силу. Некоторые... вообще не получают никаких способностей".

Идзуку сразу же вспомнил Качана, как тот получил идеальное сочетание причуд своих родителей, в результате чего у него появилась ужасающе сильная сила, хорошо подходящая для Героики, в то время как он сам считался без причуд, и его мечта стать героем считалась откровенной фантазией.

"Но, несмотря на это, нет такого понятия, как по-настоящему бессильный человек", - быстро добавил Стэн, удивив Идзуку. "Потому что вспышка или не вспышка, сила или не сила, причуда или не причуда, один человек всегда может изменить ситуацию".

Всегда найдется что-то, что может сделать один такой человек, как ты, чтобы стать героем, - промелькнули в голове у Идзуки слова совета Всемогущего.

"И люди - герои, гражданские и даже злодеи - идут вперед не потому, что у них нет страха или сомнений, а скорее они стремятся опередить их, чтобы не оказаться под их влиянием".

Идзуку вспомнил урок, который Стрэндж дал ему за час до этого, о боли, о том, как она определяет каждого и как важно не позволять ей доминировать над собой. Тогда Идзуку понял, что его нерешительность - его нежелание расти в страхе закончить, как Икидзи - была болью, тормозившей его рост и постепенно начинавшей доминировать над ним, а не просто определять его. В этом осознании была злая ирония: Гнойный пессимизм Идзуку представлял собой гораздо большую угрозу, чем любой магический рост. Генералиссимус был прав! Он не может колебаться из-за одних только сомнений! Напротив, пусть оно двигает его вперед, все дальше и дальше, пока он наконец не будет готов сдать вступительный экзамен и заслужить дорогу в U.A.!

"Вот это да", - сказал Стэн, восхищаясь решимостью, проросшей на лице Идзуку. "Это взгляд, который кричит "Эксельсиор!" (п.п. в переводе означает - Превосходство!).

"Спасибо, генералиссимус!" воскликнул Идзуку, вскочив на ноги, чувствуя себя накаченным и энергичным после ободряющей речи отставного профессионала. "Теперь я чувствую, что знаю, что делать!"

"Тогда прежде чем ты отправишься в путь", - сказал Стэн, быстро доставая небольшой листок бумаги и протягивая его Идзуку. "Позволь мне дать тебе это!"

<http://tl.rulate.ru/book/55592/1514429>